

АРСЕНАЛ ДЛЯ ФРОНТА

Над Красноярском вставал воскресный день. От парома, прочертившего своими лодками и канатами простор Енисея, от сельских тракторов спешили подводы на базар, который тогда был в центре города, у самого парка. На вокзале и на пристани сходились веселые компании «столбистов», при гитарах, в причудливых цветастых одеяниях. Речные трамваи с правобережья и близкие окраины левого берега выплескивали на проспект по-праздничному настроенных людей.

Было 22 июня 1941 года. Там, на далеком западе страны, уже горели и рушились дома от взрывов бомб, и танковые клинья переваливали через границу. И когда радио принесло весть об этом, словно померк летний день, а то, чем до той поры жили, стало отодвигаться под напором огромного и страшного, что ни разумом охватить, ни сердцем понять пока невозможно.

В далекий тыловой город война входила вроде бы медленно. Еще долго не было ни эшелонов с ранеными, ни последствий эвакуации, ни карточек на продукты, а лето обещало щедрый урожай. Первой приметой войны была мобилизация. Из Зеленой рощи, где теперь в окружении новой застройки стоит обелиск воинзм-красноярцам, а тогда были военные лагеря, — уходили на станцию батальоны. У военкоматов, на пристани, в залах Дворца культуры железнодорожников, в Доме колхозника, на городских улицах и площадях, в теплушках эшелонов — всюду можно было видеть парней и мужчин в красноармейской форме и покуда без формы. Словами напутствия и крепкими рукопожатиями, поцелуями и слезами красноярцы провожали на фронт своих сыновей, мужей, братьев. Это были те, кому предстояло сражаться под Смоленском и на подступах к Ленинграду, выходить из окружений, стоять насмерть под Москвой.

Вот так уже на шестой день войны выехала из Красноярска 119-я дивизия. Перед отъездом вручили ей Красное знамя горкома партии и городского Совета. С этим знаменем весной сорок второго станет она 17-й гвардейской. И пройдет от Калинин до Кенигсберга, а потом совершит бросок на Дальний Восток и закончит войну в Порт-Артуре.

А город работал. Город получал первые заказы фронта. В литейном цехе на одном из заводов спешно заполняли пролеты формами для отливки каких-то «горшков». Для чего эти чугунные «горшки» — интересоваться не полага-

лось. Позже я узнал: то были части авиабомб. На другом заводе учились точить корпуса снарядов. Сроки были жесткие, а не всё пока получалось. На учебу и работу прихватывали ночь. Точнее, перешли на «казарменное положение». Эти слова вскоре вошли в обиход на всех заводах. На годы вписались в цеховые интерьеры топчаны, ящики или просто доски в сравнительно теплых закутках, а то и прямо у станков, на час-другой дававшие приют уставшим людям.

Как солдат сменяет солдата, так и женщины, подростки, старики сменяли тех, кто уходил на фронт. Совсем недавно, в сороковом, оставил свою нелегкую профессию котельного мастера, ушел на отдых Андрей Петрович Петров. Ему уже за семьдесят, он участник революционных событий в Красноярске. И вот этого высокого, прямого старика снова видят в проходной ПВРЗ, снова встречает его оглушительным грохотом котельный цех, с которым сроднился он за четыре десятилетия.

— Буду работать до Победы, — с привычной немногословностью говорит он.

Эти слова повторил и три года спустя, когда мне довелось встретиться с ним на заводе, и до Победы было не так уж далеко. Но и ему, Андрею Петровичу, сравнялось тогда семьдесят пять. Как словом, так и делом: праздник Победы он встретил в своем коллективе.

А на другом заводе, механическом, старый кузнец Дунаев, перешедший было по-возрасту на подсобную работу, заявил:

— Наши молодые кузнецы ушли на фронт. Я решил возвратиться к своей прежней профессии. Теперь, в минуту военной опасности для нашей страны, я вновь помолодел и в выполнении заданий не уступлю молодым.

Жена мастера сборочного цеха «Красмаша» Перова, проводив мужа на фронт, пришла на завод и вскоре же освоила профессию оцинковщицы. В жизни молоденькой девушки Панковой июльским днем произошли два события: проводила в армию брата и на том же «Красмаше» стала к станку, чтобы познать токарное дело. Все это обычные приметы тех дней, каких были сотни, тысячи.

Город работал. Город перестраивался на военный лад. Но главные испытания войной и главный его подвиг были еще впереди.

Эвакуация. Много написано в воспоминаниях очевидцев и участников, в книгах писателей, отражено в документах и исследованиях, снято в

кинофильмах об этом колоссальных масштабах события Великой Отечественной. Движение миллионов людей в восток в условиях отступления наших войск, под варварскими бомбежками и обстрелами было еще одним бедствием, но в нем отразились и патриотизм советских людей, их стойкость и героизм. Как ни огромны были добавочные трудности для фронта и тыла, возникшие с эвакуацией населения, наша партия и государство шли им, можно сказать, навстречу. То была дальновидная политика, с ней слились воедино интересы разгрома врага и гуманная миссия нашего государства.

В густой поток идущих к фронту эшелонов вклинился встречный — вперемежку с теплушками шли платформы, груженные танками и частями машин. В глубокий тыл переселялись заводы. Переселялись, чтобы многократно нарастить промышленный потенциал, уже созданный на востоке страны социалистической индустриализацией, свершить то самое «чудо», которое оказалось полной неожиданностью для Гитлера и его стратегов, а после войны на разные лады толковалось западными историками. Было что толковать! Страна, чьи самые развитые промышленные районы захватил враг или они находились в линии огня, не только выстояла, но за короткий срок выковала и двинула на фронт такую силу, которая помогла Красной Армии одержать невиданную в истории победу.

Красноярск был одним из многих городов, принявших вместе с десятками тысяч новых жителей не один десяток заводов, фабрик и производств. Откуда только не пришли сюда рабочие эшелоны! Из городов Подмосковья, из-под Брянска, из Ленинграда, Харькова, Запорожья, Полтавы, Петрозаводска... Годы индустриализации, хотя она приходила на берега Енисея позднее, чем на Урал и в Кузбасс, немалое подготовили, чтобы принять этот поток. В разорванном на множество поселков, в основном деревянных, правобережном Кировском районе уже делал оборудование для угольных шахт завод «Красмаш», блистал красивым ангаром авиаремзавод, где готовили самолеты для Арктики, строились бумкомбинат, гидролизный и цементный заводы. И молодые заводы, и старые, вроде ПВРЗ или механического, теперь буквально до отказа заполнялись станками, достраивались и расширялись, в предельно короткие сроки начинали выпуск продукции для фронта. Впрочем, жилплощадь гостям досталась самая разная. Комбайностроители запорожского «Коммунара» получили старинные корпуса ликеро-водочного завода на вокзальной площади, киноленочники из украинского города Шостки — кирпичную коробку Осоавиахима, незадолго до того построенную в центре города. Пригодилось все: и институтское здание, и мастерские артелей.

А такому гиганту, как один из старейших российских заводов «Красный Профинтерн», уже невозможно было подобрать хоть сколько-нибудь готовую жилплощадь. Почти 6 тысяч вагонов с оборудованием, 15 тысяч рабочих, специалистов и членов их семей прибыли в Красноярск. Металлистам из-под Брянска и строителям

из Харькова показали на поля пригородного совхоза за станцией Злобино и сказали: стройте! Разгоралась битва под Москвой, она сразу же продиктовала еще один приказ: давайте продукцию! И ветхим совхозным строениям суждено было стать тем первым родником, откуда потек крохотный сначала ручеек боевой продукции, откуда начинался огромный завод, которому сегодня имя — трижды орденоносный «Сибтяжмаш».

Здесь мне хотелось бы предоставить слово почетному гражданину города Красноярск Николаю Николаевичу Каминскому. Воспитанник и ветеран «Красного Профинтерна», он в те годы был заместителем директора завода по строительству, потом на посту заместителя председателя горисполкома много энергии отдал застройке нашего города. А кроме того — собрал материалы и подготовил интересные воспоминания о годах становления завода на сибирской земле. Вот фрагменты из этих воспоминаний, опубликованных в «Красноярском рабочем» к 30-летию Победы:

«На огромной территории от станции Енисей до станции Базаиха шла круглосуточная разгрузка вагонов, прибывающих с громадным многотонным оборудованием. Кранов почти не было, все приходилось делать вручную. В палатках день и ночь работали проектировщики, сменяя друг друга. Многие тысячи кубометров земли подняты вручную. Костры согревали людей и разогревали землю, твердую, как гранит, скованную лютыми морозами...

Огромным торжеством был день испытания и сдачи военпреду первых минометов. Казалось, что за городом на полигоне, где испытываются наши изделия, мы сами ведем огонь по фашистам.

К маю 1942 года построены шесть временных цехов, но полного окончания строительства их не ожидали. Одновременно со строительными работами монтировалось и запускалось оборудование. Была зима, стояли морозы. Люди на станках работали почти под открытым небом».

Так боролись за время всуду. И на «Коммунаре», где в первом же подходящем помещении наскоро установили станки и начали выпускать боеприпасы. И на ПВРЗ, где готовили для фронта походную артиллерийскую мастерскую — целый завод на рельсах, со своей электростанцией. И на бывшем авиаремзаводе, принявшем с запада еще один заводской коллектив и конструкторов авиационной техники.

Обживались заводы на берегах Енисея, наращивали поток вооружения и боеприпасов. И все голоднее был тот скудный электрический паек, какой могли предоставить им маленькие электростанции. Вечерами город погружался во тьму: каждый киловатт-час выкраивался для производства. Однако и выкраивать уже не из чего.

Еще до войны было начато строительство большой теплоэлектростанции на правобережье. В сорок втором она стала самой ударной стройкой Красноярска. Сюда брошены лучшие силы энергетиков и строителей из Донбасса,

Подмосковья, Ленинграда, опыт слился с опытом сибиряков, многократно приумножился тем особенным упорством и терпением, с каким работали тогда люди. За делами стройки постоянно следил Государственный Комитет Обороны, ей всем, чем могли, помогали город и край. И все же обстановка была трудная: сказывались и предельно жесткие сроки, и условия военного времени.

В решающие полгода здесь выходила газета выездной редакции «Красноярского рабочего». В ту вторую военную зиму и весну мне довелось бывать на стройке через каждые один-два дня. Запомнились многие эпизоды той поры. Вот за Каменным кварталом, где по кирпичным стенам домов струтятся выведенные через форточки дымки железных печурок, за песчаными дюнами у Енисея — ковш водозабора. Он наполовину заполнен глыбами льда, перемешанными с водой. Рабочие долбят ломами лед, грузят в тачки, по скользким, зыбким покатам взбираются с ними наверх. Спускаемся в ковш, кое-как добравшись до тоннелей, что соединяют его с Енисеем. Там те же лед и вода, идет та же работа. Только вчера очередное ли отключение электроэнергии, неисправность ли стареньких насосов превратили труд людей в сизифов. Теперь наперстывали, стараясь забыть про мороз, про плохонькую одежку.

Впрочем, в эту же февральскую пору очищали ото льда темный подвал водоприемника. Но об этом я приведу тогдашнюю свою запись:

«Разговор между начальником участка Савватеевым и бригадирами Чупрыниным и Верховодков:

— Какой срок?

— Четверо суток. В 8 часов утра 21-го надо закончить. Иначе задержим монтаж.

— Сделаем.

Работали по 12 часов в день, однако льда оказалось больше, чем предполагали, да и подымать его в бадье на высоту не просто. Чупрынин поставил вопрос ребром:

— Неужели зря давали слово?

— Раз сказали — должны сделать. Надо нажать.

«Нажимали» так: двое суток совсем не уходили домой, из водоприемника подымались только за тем, чтобы перекусить. В назначенный день и час дали монтажникам фронт работы».

В корпусах новой ТЭЦ получили прописку уже послужившие в Ленинграде котел и турбина. Остальное собирали буквально где и как придется, перерывая вороха оборудования, привезенного в Сибирь с эвакуированных электростанций. Когда уже казалось, что отыскали все, снова тревога: нет подходящих труб для главного паропровода. И опять ринулись на поиски люди с чрезвычайными полномочиями. Опять варианты, проверки и перепроверки качества: ведь речь идет об особо прочных трубах, по которым ринется в турбину пар. Помалу отыскали и их. В ночь знаменитая бригада монтажников Мичурина довершила дело, и утром сотни людей забегали в холодный пока еще корпус, чтобы увидеть на высоте черную нитку паропровода: да вот же он!

Потом был вечер, когда сначала начался розжиг котла. Будто зачарованные, смотрели даже бывалые энергетика, как двигалась стрелка манометра: котел учился работать. И был апрельский вечер, начавшийся тоже с радостного события: в топке забушевал пламенем местный, иршинский, уголь. Поутру усталые, но оживленные участники его разошлись немного отдохнуть. А вскоре раздался оглушительный взрыв. Черные клубы вырвались из окон, окутали здание станции и облаком поднялись над городом. Станция стояла, зияя провалами окон. Это сработала угольная пыль в одном из трубопроводов. То был первый опыт применения углей Канско-Ачинского бассейна на пылевидное топливо, и они сразу же весьма громко напомнили, что к ним нужен особый подход. Ущерб от взрыва был, правда, не велик, но котел пришлось пока погасить. Начались эксперименты, расчеты, переделки. На первое время подобрали ключи и к этому «противнику».

16 мая 1943 года турбогенератор Красноярской ТЭЦ мощностью 25 тысяч киловатт дал ток заводам и городу. Это было начало большой энергетики Красноярья.

Один за другим проходили годы войны. В жизни далекого тылового города стали привычными ее приметы: ежедневные сообщения Совинформбюро по радио, все новые и новые проводы на фронт, раненые воины в эвакуогоспиталь и возвратившиеся домой, теснота жилищ и хлебные карточки, треугольнички солдатских писем и строгие конверты «похоронок».

Многое надо было изыскать на месте, придумать, сделать, приложить добавочный труд. Скажем, снаряжались из тех же женщин, стариков, подростков бригады на заготовку дров. Где-то в районе теперешнего Дивногорска они валили деревья, вязали плоты и пускались в опасный путь по Енисею. Если благополучно doplывали, на берегу бревна распиливали и на ручных тележках чурки развозили. Ослабить топливный «голод» еще помогала примитивная шахта на Бадалыке. Взятый близко к поверхности уголь рассыпался, горел плохо и давал мало тепла.

А как двигаться автомобилям без бензина? Самой популярной стала машина с «самоваром» — газогенератором, действовавшим на березовой чурочке. Такие же «самовары» поставили и на катерах. Делали их здесь же, в Красноярске, на механическом заводе. Здорово это выручало. А тут Павел Константинович Кутузов, местный ученый, открыл горячее в самом городе. То был скипидар — продукция канифольного завода, что стоял на месте теперешнего Дворца культуры бумажников. По его предложению скипидар применяли для заводки газогенераторных двигателей, при нужде им заправляли обычные машины.

За годы войны Красноярск изрядно вырос. Прямой результат этого — создание на правобережье второго района — Ленинского. Он был образован на исходе лета сорок второго года, когда все круче завязывался узел Сталинградской битвы. Хотя в Ленинском районе было не более 16 тысяч жителей, как и все правобере-

же, состоял он больше чем наполовину из пугтырей, а среди обилия довоенных и новых барачных небоскребами казались немногие кирпичные дома Седьмого участка и Каменного квартала, но быстро набирал силу «Красмаш», в сорок третьем вошли в строй КрасТЭЦ и гидроэлектрический завод, строились еще предприятия.

И тогда, когда надо было любой ценой задержать врага на московских и сталинградских рубежах, и когда неимоверными усилиями фронта и тыла ковался перелом в войне, и когда Красная Армия заставила фашистскую машину отступать, перемалывала и уничтожала ее, неизменным оставался лозунг: «Все для фронта!» Казалось бы, что еще большего смогут сделать люди, чьи сутки поделены на двенадцатичасовые смены с единственным за месяц выходным первого числа? Но фронт требовал, и силы находились. Шестнадцатилетний подросток, едва набравшись опыта и сноровки, выходил в двухсотники, выполняя норму на двести процентов. В семнадцать его уже называли трехсотником. А вскоре парня призвал фронт, и другой малолетка повторил его путь или оставшиеся подымались до четырехсотников.

Вот так родились фронтовые комсомольско-молодежные бригады. Это были продолжатели стахановского движения, но в условиях военного времени, когда трудовой рекорд должен был стать отметкой на каждый день. В Красноярске первыми фронтовыми были бригады красмашевца Александра Шандрова и совсем юных профинтерновца Виктора Шевелева и Анны Стерликовой с ПВРЗ. Вскоре таких бригад стали десятки, сотни.

— В нашей бригаде все были четырехсотниками. Потом пошли еще дальше. Стали шестеро давать столько продукции, сколько до этого давали девять, — рассказывал три десятилетия спустя ветеран завода, мастер Александр Николаевич Шандров, кавалер ордена Ленина за трудовой подвиг в тылу.

Набирал силы арсенал на берегах Енисея. Но рожденная в тяжелую годину войны потребностями защиты Родины и разгрома врага молодая индустрия все больше перерастала начальные замыслы. Было ясно: заводам-новоселам отныне жить и расти на красноярской земле. Судьбы их начали все весомее входить в заботы завтрашнего дня — восстановления разрушенного войной хозяйства, экономического развития Сибири и всей страны.

Временные цехи, nasкорo построенные в первый год войны, были лишь началом «Красного Профинтерна». Тогда же, в сорок втором, развернулось строительство больших корпусов, панорама которых открывается сегодня при входе на «Сибтяжмаш». Заводу предстояло заняться тем же, чем он занимался на «старой базе», — создавать паровозы и мостовые краны. К восстановлению паровозов, пригнанных сюда из прифронтовой полосы, и к строительству новых «Серго Орджоникидзе» приступали сразу же, как только появлялась в новых корпусах хоть какая-то крыша над головой. В мае 1943 года с завода вышел первый паровоз. Громаде цеха

краностроения предстояло встать к концу войны, но еще в разгар ее началось изготовление мостовых кранов, сначала для развития заводов востока, а потом и для восстановления индустрии в освобожденных районах.

Пришлось потесниться ученикам лучшей на правобережье сороковой школы: в их классах появился машиностроительный техникум «Красного Профинтерна». Шла битва за Сталинград и Кавказ, и кое-кто недоумевал: зачем техникум, кому в нем учиться, вообще время ли загадывать так далеко? Ученики однако нашлись, и как же потом пригодились молодые техники!

18 марта 1943 года Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве в Красноярске комбайнового завода. Когда коммунары из Запорожья обосновывались на красноярской земле, о сибирских комбайнах и не помышляли, а теперь о них заговорили, как о близкой, хотя и неимоверно трудной цели. Второй год в старых корпусах бывшего ликероводочного выпускались боеприпасы. Вокруг него, потеснив вокзальную площадь, началась большая стройка — закладывались механосборочный и другие цехи. Приметы ее видны были и на Красной площади — она быстро заполнилась бараками для строителей. А по улицам Профсоюзной и Маерчака пролегли до кирпичного завода рельсы узкоколейки, понурые медлительные лошадики тянули по ним тележки, нагруженные кирпичом.

И опять время диктовало жесткие сроки, требовало убыстрить то, что и без того казалось почти невозможным.

Не одно десятилетие знаком я с Василием Сергеевичем Глущенко. Вся его трудовая биография, в Запорожье и Красноярске, уместается в одном слове: мастер. Этим словом определяется и его неизменная на всю жизнь должность, и его профессиональный уровень. И есть еще слово, которое тоже неотделимо от него: коммунист. Вот почему Василия Сергеевича хорошо знают на комбайновом люди разных поколений. Мне, журналисту, еще довелось узнать его и как активного рабочего.

Василий Сергеевич был причастен к самым первым шагам сибирского комбайностроения и об этом интересно рассказал в своих воспоминаниях. Приведу строки из них:

«Как-то в конце января 1944 года вызывает меня директор завода и спрашивает:

— Ты выпускал запорожские «Коммунары»?

— Да.

— Вот и хорошо. С сегодняшнего дня будешь работать над выпуском «Красноярских коммунаров».

Первая задача — найти людей. Помог начальник отдела кадров С. В. Хлебович. Он нашел среди выздоравливающих воинов, направленных из госпиталя на завод, комбайнеров Дружинина и Гурова, слесарей Блинова, Ломакина, Покатило. Они и стали первыми учителями. Через несколько дней прибыла группа ребят из ремесленного училища. Из совхоза «Солонцы» привезли старый «Коммунар». В шутку комбайн назвали «институт разбирай-собирай».

Детали делали вручную по образцам, снятым с комбайна. На заметном снегом заводском дворе сваривали на деревянных козелках первые рамы молотилок. В один из мартовских дней мы перенесли их в недостроенный еще механосборочный цех. В цехе строители еще копали котлованы под будущие конвейеры, а рядом начался сборка первых машин.

Первого мая мы рапортовали: задание выполнено, есть десять комбайнов марки «Красноярский коммунар».

Поздними вечерами радио приносило весть об очередной победе Красной Армии. Москва передавала приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, потом гремели пушечные залпы салюта. Теперь, в сорок пятом, назывались уже польские, чехословацкие, венгерские, югославские города, вслед за ними пошли и немецкие — война шагала по землям фашистской Германии.

В начале февраля «Красноярский рабочий» напечатал краткое сообщение: на средства, собранные трудящимися Красноярска, построена танковая колонна, переданная войскам генерал-полковника Рыбалко. И добавлялось: «Танки, построенные на средства красноярцев, идут по немецкой земле на запад». Где пролегли их боевые дороги — можно было определить по лаконичным строкам тех же приказов. Среди войск Первого Украинского фронта, овладевших в те дни городами Катовице и Бреслау, столица салютовала и танкистам генерал-полковника Рыбалко. Потом гвардейская танковая армия совершила бросок на Берлин, а в День Победы освободила от врага Прагу.

Самолеты и целые эскадрильи, танки и танковые колонны, артиллерийские батареи, приобретенные на трудовые средства советских людей, были еще одним проявлением патриотических чувств, еще одной посильной помощью в разгроме фашизма. Красноярсцы — коллективы заводов, фабрик, учреждений, комсомольцы, школьники — тоже активно участвовали в этом поистине всенародном движении.

Стояла четвертая военная зима. Она казалась особенно суровой и, наверное, не потому, что сибирская природа больше обычного отпустила морозов и метелей. В городе снова на месяцы отключали электроэнергию: теперь не хватало угля. Дома потемнели, облупились. От заборов мало что осталось, все ушло на топливо. Школьники писали на газетах, которые тоже были в большом дефиците. Перед весной врачи призывали ни в коем случае не употреблять в пищу зерно с перезимовавших колосков: септическая ангина крайне опасна. Но после годов недоедания хватил ли сил удержаться, не воспользоваться колосками?

Как ни велики были жертвы, горе и тяготы войны, люди видели: близка победа!

— Еще поднажмем, товарищи! Поднажмем, чтобы разгромить германскую берлогу, смести с лица земли фашистскую гадину! — страстно воскликнул старейший рабочий «Красного Профинтерна» Климов с трибуны заводского митинга.

На этот митинг заводчане и строители сошлись 18 февраля, в воскресный день, который, разумеется, был рабочим. Сошлись в одном из пролетов паровозного комплекса, живом воплощении того, о чем шла речь в ту короткую переписку. Несколько дней назад Государственному Комитету Обороны был послан рапорт: построена первая очередь завода, страна уже получила десятки магистральных паровозов, мостовых кранов и другое оборудование. И вот теперь звучат слова приветствия И. В. Сталина: «Родина не забудет ваш самоотверженный труд по созданию в военное время новой крупной базы тяжелой машиностроения в Сибири, имеющей большое значение для восстановления и развития железнодорожного транспорта и всего народного хозяйства».

В те дни, когда Красная Армия довершала разгром фашистского зверя в его берлоге, из Красноярска был послан в Москву еще один рапорт. И рядом с приказом Верховного Главнокомандующего об овладении Берлином в тех же майских номерах газет напечатали его приветствие красноярцам и этот рапорт — о завершении строительства в Красноярске первой очереди комбайнового завода, о выпуске первых 350 машин. 350 прицепных комбайнов, сделанных за год с лишним, казалось тогда необыкновенно много. И хотя сегодня наш комбайновый дает столько «Сибиряков» за три дня, это и в самом деле много, ведь первые сотни «Красноярского коммунара» были сработаны в тех тяжелых условиях, о которых рассказывал Василий Сергеевич Глущенко.

Как было не гордиться: Красноярск стал не только арсеналом для фронта, он умеет делать и паровозы, и комбайны! Но это открывало и новые горизонты. Еще впереди ордена за трудовой вклад в победу, которыми будут отмечены бывший «Красный Профинтерн», тогда же получивший сибирское имя, паровозо-вагоноремонтный завод и стройтрест № 26, а весна сорок пятого уже несла заботы мирного времени. Запустить в производство технику для шахтеров и металлургов. Наковать топоров для лесорубов. Ускорить стройку на КрасТЭЦ: городу очень нужен второй турбогенератор. Помочь хотя бы чуть лучше разместиться вузам — и ветерану лесотехническому, и новоселу медицинскому.

Было раннее утро, когда пришла в Красноярск весть о Победе. И хотя ее ждали со дня на день, с минуты на минуту, все-таки она поразила своей неожиданностью. Слишком много пострадали и пересилили наши люди, чтобы сразу поверить, сердцем поверить: настал мир! Едва прозвучал по радио торжественный, ликующий голос Левитана, как проснулся город, напрягся весь, будто тугая пружина. Прошло несколько минут, и вдруг двory, улицы стали наполняться людьми. Скорее на улицу! Быть всем вместе. Поделиться счастьем. Разделить слезы радости. И слезы памяти о тех, кто уже никогда не вернется.

Большая карта Европы на здании лесотехнического института еще накануне была испещре-

на флажками, отмечавшими движение наших войск. Утром флажков не стало, но в центре Германии водружен алый флаг. Город вроде бы принарядился и по-весеннему похорошел. Непредвиденно появились плакаты, лозунги, флаги, но они появились. Появились знамена, четыре года остававшиеся в помещениях, иные, может быть, привезенные вместе со станками эвакуированных заводов. Теперь их несли в голове колонн на площадь Революции.

Небольшая мощенная булыжником площадь не могла вместить всех. Людской поток выплеснулся на проспект, на заборы парка и соседнего рынка. С наскаро сделанной трибуны выступили секретарь крайкома партии и офицер-фронтовик, представитель комбайностроителей и учительница. Все были взволнованы, необыкновенными казались самые простые слова и полным новизны то, о чем все уже знали. В поселках правобережья — свои митинги. У трибуны одного из них поздравили друг друга с Победой два седобородых человека. Это старый рабочий Григорий Еремеевич Салтынюк, проводивший семь сыновей и трех зятьев на защиту

Родины, и узбек Абдулла Тишебаев, чьи трое сынов сражались на фронте.

Не счесть волнующих встреч того дня на красноярских улицах. Вот кто-то крикнул:

— Герой войны! Качать героя!

Мигом сгрудились люди, взлетел над толпой звеня орденами и медалями, солдат ли, офицер ли. Трудно бы пришлось ему, да вовремя на-шелся:

— Стой, друг, ты ведь и сам оттуда. Качай его!

Теперь взлетел парень с пустым рукавом и нашивками за ранения. Почему-то пробивалась к нему старушка, все никак не могла пробиться, пока кто-то не прокричал зычно:

— Мать пропустите!

Перед ней расступились. Прошла солдатская мать к незнакомому парню, прижалась лицом к нашивкам на гимнастерке. Замерли люди. Матери и сестры, отцы и братья тех, кто дошел до Берлина, до Эльбы и Дуная. И тех, кто навеки остался на полях сражений.

Много было и будет праздничных дней. Но этому особое место в сердце, особая память.

Виктор КОРОТКОВ